



## С. О. БУРАЧОК

### «Герой нашего времени». М. Лермонтов

Две части. СПб., 1840

(Разговор в гостиной)

— Вы читали, сударыня, «Героя» — как вам кажется?

— Ах, бесподобная вещь! По-русски ничего еще не было подобного... так это все живо, мило, ново... Слог такой легкий! Интерес — так и заманивает.

— А вам, сударыня?

— Я не видала, как прочла; и так жаль было, что скоро кончилось, — зачем только две, а не двадцать частей?

— А вам, сударыня?

— Читается... ну прелесть! Из рук не хочется выпустить. Вот если б все так писали по-русски, мы бы не стали читать ни одного романа французского.

— Ну а вы, Ив<ан> Ив<аныч>, что скажете?

— А мне кажется, что появление «Героя нашего времени» и такой прием ему всего разительнее доказывают упадок нашей литературы и вкуса читателей.

*Все (в голос).* Ах! да как это можно!.. Ах! кто этак варварски судит!.. Ах! это просто зависть!.. Ах! вот как убивают таланты!.. Ах! помилуйте, Ив<ан> Иваныч!

*Я.* Mesdames, messieurs\*, чем так спорить да шуметь, не лучше ли теперь же развинтить всю книгу, пересмотреть все ее пружины, подставки, винтики, части, обсудить — и тогда...

*Они.* Пересмотреть, обсудить... Настоящий мужчина! Кто рассуждает, когда надо просто — наслаждаться? «Герой» — истинное наслаждение! Душечка, как мил! ужась как мил!

*Я.* Как вам угодно, mesdames; я хоть для себя это сделаю, пока вы наслаждаетесь.

\* Дамы, господа (фр.). — Сост.

Я, в самой вещи, развинтил «Героя» и вот что нашел: внешнее построение романа хорошо, слог хорош; содержание — романтическое по превосходству, т. е. ложное в основании; гармонии между причинами, средствами, явлениями, следствиями и целью — ни малейшей<sup>1</sup>, т. е. внутреннее построение романа никуда не годится: идея ложная, направление кривое. Оболочка светского человека схвачена довольно хорошо, черты духа и сердца человеческого обезображены до нелепости. — Весь роман — эпиграмма, составленная из непрерывных софизмов, так что философии, религиозности, русской народности и следов нет. Всего этого слишком достаточно, чтоб угодить вкусу «героев нашего времени», но в то же время для человека здравомыслящего, т. е. для профана в современном героизме, слишком неотраднo: от души жалеешь, зачем Печорин, настоящий автор книги, так во зло употребил прекрасные свои дарования, единственно из-за грошовой подачки — похвалы людей, зевающих от пустоты головной, душевной и сердечной. Жаль, что он умер и на могиле поставил себе памятник «легкого чтения»<sup>2</sup>, похожий на гроб повапленный — снаружи красив, блестит мишурой, а внутри гниль и смрад.

— Кто же вскрывает гробы?

— Правда, не следовало бы; но для медико-литературного «следствия» это необходимо.

Вот *содержание* гроба: «герой нашего времени» — за отличие сослан на Кавказ, в одну из заполошных<sup>3</sup> крепостей. Он является коменданту крепости, штабс-капитану Максиму Максимычу. Максим Максимыч — герой прошлых времен, простой, добросердечный, чуть-чуть грамотный, слуга царю и людям на жизнь и смерть; нынче многие Максимы Максимычи переродились в «героев нашего времени». Кой-где в отставке по хуторам и на Кавказе по крепостям уцелели их отрывки. — Здесь Максим Максимыч весь целиком! — живой; и был бы единственным отрядным лицом во всей книге, если б живописец для большего успеха своего «героя» не вздумал оттенить добряка штабс-капитана отливом *d'un bon homme*\* — смешного чудака. Таковы уже законы легкого чтения! — и в самом добре надо находить только забавное, смешное, иначе будет сухо и скучно. Зато как мил и как велик «герой», стоя рядом с Максимом Максимычем, который принял его в свою пустыню как друга, ласкал как брата, ухаживал за ним как отец; а тот?.. Тому все это было смешно, несносно... Только что не на-

\* простака (фр.). — *Сост.*

делял он Максима Максимыча, за любовь его, щелчками по носу... Жаль, автор не воспользовался этим для полноты трескучих эффектов.

«Герой» — настоящий герой! В дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут, а ему ничего. А в другой раз, в комнате — ветер пахнет: уверяет, что простудился; ставнем стукнет — он вздрогнет и побледнеет; а на кабана ходил один на один. Близ крепости жил мирный князь-черкес, у него прекрасная дочка Бэла и сын-повеса Азамат. Позвали героя и Максимыча туда на праздник. Дочь, разумеется красавица, тут же танцевавшая, подходит к герою, поет ему песенку, а в песенке изъясняется в любви к нему. — Герой влюбляется; соперник, черкес Казбич, видит это и ревнует. У него чудесный конь. Конь ужасно нравится брату героини Азамату. Черкесы перепились, стали резаться на шашках, наш герой с штабс-капитаном за добра ума ускакали в крепость. Герой обдумывает план похищения Бэлы. Является брат ее Азамат. — «Тебе нравится конь Казбича?» — говорит герой. «Ужасно нравится, да ни за что не хочет продать!» — «А хочешь, я тебе добуду его — что дашь?» — «Что угодно!» — «Привези мне сестру» — «Хорошо». — Сказано — сделано! Герой украл коня у Казбича, отдал Азамату, получил Бэлу, Казбич убил отца Бэлы, Азамат пропал без вести. В первый день похищения Максим Максимыч узнал об этом и, как комендант, пришел наказать героя: «Вы сделали мерзкое дело — отдайте вашу шпагу».

— Митька, шпагу! — сказал герой, не вставая с кровати.

— Зачем ты увез Бэлу?

— Да когда она мне нравится.

Против этой логики комендант не нашелся, махнул рукой, а герой зажил с героиней как с женой; после четырех месяцев она ему надоела. Он начал скучать, уходить по целым дням на охоту. Бэла стала сохнуть, плакать — это его бесило. Коменданту стало жалко, он стал урезонивать героя. Герой отвечал ему по-геройски:

— У меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, Бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиной несчастья других, то и сам не менее несчастлив. Разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так.

Герой риторически распространяет эту тему, подбирая столько оправдательных статей, чтоб их достало для оправдания всех настоящих и будущих подобных героев. Это верх красноречия! Максим Максимыч — не пикнул. Да тут и сам

Цицерон, с своими должностями человека и гражданина<sup>4</sup>, станет в тупик.

«Любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни, — продолжает герой, — невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут, *довольно* сладких, я за нее отдам *жизнь*, только мне с нею *скучно*... глупец я или злодей, не знаю!..

— А я так знаю, — следовало бы отвечать М. Максими-чу, — ты и то и другое: и глуп, как дерево, при всей остроте твоей, и зол, как голодный волк! И если не хотел отдать за нее мимолетной прихоти, то жизни и подавно не отдашь!» Но автор не велел ему так отвечать... А герой знай себе мелет героический вздор на тот же лад несколько страниц и кончил — «скукою».

Штабс-капитан, говорит автор, т. е. сам же герой Печорин, не понял этих тонкостей, покачал головой и улыбнулся лукаво:

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— А-га, вот что! — отвечал он, — да ведь они всегда были отъявленные пьяницы.

«Замечание штабс-капитана было извинительно: чтоб *воздерживаться от вина*, он, конечно, старался уверить себя, что все в мире несчастья происходят от пьянства».

— И, конечно, это вздор, по мнению автора.

Таким образом, герой разлюбил Бэлу «на законном основании» своих оправданий. Стал скучать свободнее, бродить на охоте чаще и продолжительнее. Раз он взманил с собой и штабс-капитана. Вот они едут и видят: Казбич скачет и что-то белое у него через седло. Герой догоняет, стреляет, подстреливает лошадь, Казбич падает — на руках у него Бэла, — вонзает ей кинжал в спину, а сам скрывается в кустах. Бэла умирает, перед смертью она хочет быть христианкою, чтоб не разлучаться с своим героем и на том свете, потом отдумывает. Штабс-капитан сказал несколько вялых слов в ее обращение, герой — ни слова! Бэла умерла, комендант плачет от глубины души, герой — хохочет!

*Итого:* воровство, грабеж, пьянство, похищение и обольщение девушки, два убийства, презрение ко всему святому, одеревенелость, парадоксы, софизмы, зверство духовное и телесное. — Все это элементы первого акта похождения героя. В самом деле — должно ужась как читаться! Так легко, утешительно! И все так мило — совершенно во вкусе образованного общества, особливо нежного пола! И так натурально — живая натура!

Этим я не то хочу сказать, будто грешные, грязные и порочные вещицы человеческие надо вовсе исключить из числа материалов и колеров изящной словесности и убаюкивать читателя одними добродетельными, светлыми, высокими, чистыми, которые-де так редки в падшем человечестве, — нет, я хочу только, чтоб все колера картины человеческого сердца были с подлинным верны с темной и с светлой стороны; чтоб читателей не водили в кабинет идеальных чудовищ, нарочно подобранных; чтобы картина грязной стороны к чему-нибудь служила, а не вредила и чтобы автор не клеветал на целое поколение людей, выдавая чудовище, а не человека представителем этого поколения.

Три месяца герой проскучал в крепости по-геройски; его перевели в Грузию в полк — и слух пропал. Через пять лет Максим Максимыч приезжает в Коби. Узнает, что герой его тут же, у коменданта. Рад старик без памяти — ждет не дождется милого друга! «Вот, — думает себе, — он обрадуется мне!» У героя и лакей — герой современных лакеев. Ш<табс>капитан просит его доложить барину о нем. Герой-лакей, не только не удостоивает ответом, даже взглядом. Все-таки доложил. Вот Максимыч сидит возле избы на лавке и ждет героя. Зовут чай пить, зовут ужинать, зовут спать — Максимыч сидит и ждет, герой нейдет. Наконец явился вождеденный. Старик хотел броситься на геройскую шею, тот довольно холодно протянул ему руку.

— Как я рад, М<аксим> М<аксимыч>, ну, каково выживаете?

— А... ты?.. а вы?.. — пробормотал со слезами на глазах старик... — Сколько лет... сколько дней... да куда это?

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас? Да подождите, дражайший! Неужто расстанемся? Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — отвечал герой и — уехал.

Максим Максимыч с горя сошел со сцены и во всей книге больше не показывался. А только записки героя Печорина, забытые им еще в крепости и которые на радостях при встрече не удалось отдать, — вручил он г. Лермонтову. Вот эти-то самые записки, или журнал Печорина, и напечатаны и теперь разбираются. Натурально-то оно натурально, да жаль, что не все натуральное — изящно, не все достойно печати и красивого оклада острыми софизмами и меткими эпиграммами. О многом, и очень о многом пренатуральном, не худо иногда помолчать. Впрочем, свобода — пароль романтизма! — так тут уж нечего соваться с старинными изношенными теориями.

Второе похождение героя случилось в Тамани. Городишко мерзкий, никто не пускал героя на квартиру. — Варвары! невежи! не пускать к себе героя наших времен! То ли дело образованный и просвещенный класс! Не только все будуары ему настежь: живи и спи сколько хочешь, — но и сами спят с ним сладко и пресладко! Едва нашлась в Тамани честная семья на краю города, на берегу моря: глухая старуха, слепой сын и хорошенькая дочка, — то были контрабандисты, герои, достойные героя наших времен. В первую же ночь герой подметил, что старуха — не глуха, слепой — не слеп, и дочка — лихая девка. Он как-то стал присматриваться на красотку, намекнул ей, что он заметил их промысел. Девушка-героиня и в лице не изменилась, прикинулась влюбленною, обняла, поцеловала героя, назначила ночью свидание на берегу — герой заткнул пистолет за пояс и пошел. Девушка ждала его, посадила в лодку, оттолкнулась — лодка поплыла; героиня обняла героя нежно-сладко: пистолет — бух в воду. Герой смекнул дело. Девка — на героя, так и тащит его в воду. Герой борется, лодка накренилась. Девка — его, он — девку: кончилось тем, что, как и следует, герой победил героиню: сбросил ее в воду, та скрылась в волнах. Герой кое-как добился к берегу — идет и видит: в стороне ундина его выжимает косу. Подъезжает лодка с контрабандистом. Слепой принес в лодку какой-то узел. Ундина вскочила и уехала; слепого бросили. Слепой плачет. Герой входит в хату. Казак его спит, шкатулки и вещей геройских нет. Он еще пуще прогневался на человечество.

— Что случилось с старухой и с бедным слепым? — «Не знаю, — отвечает герой, — да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих!» Тем и закончилось это изящное похождение, а с ним и первая часть.

Вторая часть содержит в себе похождения героя на Кавказских Минеральных Водах. Удивительное создание! все романтические элементы тут наперечет. — Но лучше прослушаем по порядку.

Герой приехал на воды — а пропос\*, он богатый человек — нанял в диком месте дикую квартиру, оделся в дикие чувства, зажил дикарем. Записывает свои впечатления в журнал, журнал вы читаете. Начинается описанием местности общими местами, — мимо. Вот он описывает жителей приезжих и туземных, мужеских и женских:

\* кстати (фр.). — Сост.

«Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее (к волокитам); у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей *пылкое сердце* и под белой фуражкой — *образованный ум*».

Герой, хоть герой, а на сердце и на ум таки претендует — к чему бы уж и трогать эти пошлые вещи. Любопытно бы знать, чем *пылает* геройское сердце, высушенное в клочок кожи? И чем образован их ум — пустая мельница одних эпиграмм на все и про все; ум, которому черное кажется белым, а белое — черным? Как бы то ни было, но нет сомнения, что герой имеет о себе очень порядочное мнение.

«Эти дамы (туземки) очень милы, и долго милы. Всякий год их обожатели сменяются новыми...» Ну, довольно этого. Вот герой подходит к колодцу, видит и записывает.

«Под виноградными аллеями мелькала порою пестрая шляпка *любительницы уединения* вдвоем; потому что всегда возле такой шляпки я замечал военную фуражку или безобразную круглую шляпу». Вот ему встречается юнкер Грушницкий, знакомец по кавказским походам. Грушницкий — тоже вроде героя, и потому-то генерал-герой<sup>5</sup> описывает его в самых злых эпиграммах. Вот встречается им княгиня и дочь ее Мери. — Грушницкий, в солдатской шинели, влюбляется в княжну, княжна в него, принимая его не юнкером, а страдальцем, разжалованным за дуэль, за грубости, вообще — за геройские похождения. Тут столько поэзии — и княжна решительно влюбляется. Они любезничают.

Герой их подслушивает, подсматривает и находит за нужное отбить княжну и влюбить в себя. Приступ начинается геройский — грубостями и непристойностями. Это обращает на него внимание и — что очень естественно — привлекает тайную благосклонность княжны. Княжна решительно влюбляется, сходит с ума — княжна тоже из героинь. Маменька княгиня — тоже из героинь:

«Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна как голубь — я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу».

Является еще герой Вернер — медик при минеральных водах: следует описание хирургического героя, на ту же статью:

«У него злой язык, под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком... Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я не способен к друж-

бе». Приятели начинают говорить и за версту угадывают мысли друг друга — все это ужас как естественно, а главное, свидетельствует о проницательности их умов.

— Я убежден, — говорит герой-медик, — что, рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — отвечает генерал-герой, — у меня, кроме этого, есть еще убеждение, именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться.

С этой минуты герои отличили в толпе друг друга.

— Заметьте, любезный доктор, — сказал генерал-герой, — что без дураков было бы на свете очень скучно!.. Посмотрите, вот *нас двое умных* людей; мы знаем заранее, что обо всем *можем спорить до бесконечности*, и *потому не спорим* (стр. 209); мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга, одно слово для нас целая история, видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку (разумеется, все это вздор — да в повести очень мило)! Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя.

Одним словом, видимо, что герой теперь, когда пошло на откровенность, очень хорошего о себе мнения; и резон — иначе стал ли бы он записывать подобные ничтожества и выдавать за вещи удивительно умные.

Но для полноты комплекта недостает еще одной героини — замужней. Вот она является на водах.

— Вера! — вскрикнул герой. — Мы давно не видались.

— Давно, и переменились оба во многом.

— Стало быть, уж ты меня не любишь?

— Я замужем! — отвечала она.

— Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем...»

Одним словом, вы понимаете героиню. Муж ее почтенный, добрый старичок. «Я не позволил себе над ним ни одной насмешки, — говорит автор-герой, — она его уважает, как отца, и будет обманывать, как мужа... гроза застала нас в гроте и удержала лишние полчаса».

Вот теперь драма сформирована. Вера, живущая в одном доме с княжной, хочет играть роль доброй жены. Герой влюбляется в княжну, княжна в него. Вера сохнет от ревности, юнкер Грушницкий, произведенный в прапорщики, вместе с серою шинелью утратил всю свою прелесть и любовь княжны — она отделила его наотрез. Тот замышляет дуэлью пострадать героя, советуется с подобными себе героями, генерал-герой подслуши-

вает. Между тем собралась кавалькада гуляющих, все герои поскакали, княжна с генерал-героем едут рядом; случилось переезжать через быструю речку, у княжны закружилась голова, герой обнял ее стан по-геройски, мимоходом поцеловал ее — княжна ни гугу. Потом княжна, как героиня, призналась ему в любви, самоотверженный герой признался ей, что он ее — не любит. Княжна слегла в постель. Между тем Вера из ревности разнежилась, назначила ему, в отсутствие мужа, свидание у себя ночью. Грушницкий как-то проведал и стерег героя, который ночью после свидания стал спускаться из окна на двух связанных шаях; и когда он был против окна княжны, соперник с товарищем хотели поймать его, он сшиб их с ног — один из них выстрелил. Жители будто бы сочли это за нападение черкесов. История разгласилась. Грушницкий въявь говорил, что герой был ночью у княжны. Герой вступился и вызвал на дуэль: стреляться на краю отдаленной скалы в шести шагах, чтоб убитый свалился в бездну и отвлек подозрение. Герой убил Грушницкого, тот свалился. «*Finita la comedia!*» \* — сказал герой своему секунданту, герою-доктору.

История разгласилась. Дело ясно, хотя улик не было. Старичок, муж Веры, смекнул в чем дело, посадил жену в карету и поскакал. Герой захотел еще раз поцеловать ее и поскакал на измученном коне, загнал его насмерть, пешком идти не мог, герой упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал. Вообще, описание этой неудачи самое патетическое.

«*Вся моя твердость, — пишет герой-автор, — все мое хладнокровие — исчезли как дым; душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся*».

Удивительное дело, как эти герои трактуют себя высоко! Делая физическое и моральное душегубство — они считают себя твердыми и хладнокровными. Душа у них тверда — когда она валяется в грязи неистовств романтических. Рассудок у них здраво говорит — когда они мелют дичь хорошим слогом; и они думают себе, что в это время не за что от них отворачиваться с презрением! Поди же, сговори ты с ними.

Между тем начальство, как видится, неспособное понимать все тонкости и прелести современного героизма, за похождения героя назначило его в крепость к Максиму Максимовичу, где уже и видели его. Герой собрался, пришел к княгине проститься; она говорит:

\* Комедия окончена! (*итал.*). — *Сост.*

— Дочь моя умирает от любви к вам, что вас удерживает — женитесь.

Герой просит позволения говорить с самой княжной. Княжна приходит.

— Я вас дурачил, княжна; я не люблю вас и не женюсь на вас, — сказал герой, почтительно поклонился, ушел — тем и кончилось.

Нечего греха таить, Печорину хотелось выставить свой героизм в самых колоссальных размерах — и он, как говорится, *пересолил*. Все герои и героини без исключения, как ни подделываются под тон и манеры высшего круга, так и выглядывают из-под своих маскарадных кафтанов казарменными героями и героинями — ни одного порядочного, сносного человека: решительно все несносны, потому что поддельны, утрированы.

Последняя повесть — «Фаталист» — из записок того же героя Печорина. Он где-то в батальоне. К майору собрались офицеры и заговорили о предопределении; герой тут, видимо, хотел блеснуть философским удалством. Поручик Вулич, серб, встает и говорит: «Вы мелете вздор!» — и в самой вещи они мололи вздор, опять-таки хорошим слогом, на манер геройской философии. Вулич снял со стены один из множества пистолетов, спрашивает у хозяина — заряжен ли? — «Не знаю». — Тем лучше. Он приставляет себе пистолет ко лбу и говорит: «Держу пари, что я не застрелюсь». Герой вынимает деньги и держит пари. — Все оцепенели, кроме героя. Вулич насыпал порошу на полку, пистолет ко лбу — бац!.. вспышка. Он снова насыпал, прицелился в фуражку, и пуля пробила ее — все ахнули.

— Видите ли, — говорит Вулич, — вот что значит предопределение.

— Ты сегодня умрешь, я это вижу по глазам твоим, — сказал ему герой. Вулич пошел домой; навстречу ему пьяный казак с обнаженною шашкой, который в неистовстве гнался за свиньей, разрубил ее; Вулич спрашивает пьяного: «Кого ты, братец, ищешь? — «Тебя!» — сказал казак и разрубил его шашкой от плеча до сердца. Тот, разумеется, умер, а герой, обещавшись: «Продолжение впрод», — пускается в нравственную философию, говорит что-то о суеверии предков и прибавляет:

«А мы — (ради истины имейте мя, купно со многими, отреченна) — мы, жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбеж-

ном конце, мы не способны более к *великим жертвам* ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья, потому что *знаем его невозможность*\* и равнодушно переходим от сомнения к *сомнению*, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому\*\*, не имея, как они, *надежды*, ни даже того неопределенного, хотя и *сильного*, наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с *судьбою*\*\*\*. И много других подобных дум проходило в уме моем (NB: и легло на бумагу в моем журнале); я их не удерживал, потому что *не люблю останавливаться* на какой-нибудь *отвлеченной мысли*; и к чему это ведет?»\*\*\*\*

Такова сплошь вся книга; ни одна строчка не успокоит вашего сердца. Все это практически почерпнуто в современных образцах легкого чтения. Верно сказано: «В злохудожну душу не внидет премудрость»<sup>6</sup>. Истина есть дар и милость Божия: она дается только достойному, кроткому и смиренному. Человек ожесточенный, самонадеянный, думая говорить истину, говорит ложь. Везде, где Печорин философствует, он удивительно верен с этой стороны характеру ожесточенных. Таков он и в отрывке, сейчас приведенном.

Нельзя лучше придумать эпитафии на могилы всех «героев нашего времени»! Софизм на софизме, ложь на лжи, нелепость на нелепости, — как сами они. Между тем здесь мотив всего романа: именно эта тема развита в ней в лицах и в словах. Психологические несообразности на каждом шагу перенизаны мышлением неистовой словесности<sup>7</sup>. Короче, эта книга — идеал легкого чтения. Она должна иметь огромный успех! Все действующие лица, кроме Максима Максимовича с его отливом *ridicule*'я\*\*\*\*\* — на подбор удивительные герои; и, при оптическом разнообразии, все отлиты в одну форму — самого автора Печорина, генерал-героя, и замаскированы — кто в мундир, кто в юбку, кто в шинель, а присмотритесь: все на одно лицо, и все — казарменные прапорщики, не перебесившиеся. Добрый пучок розог — и все рукой бы сняло! Ну да, впрочем, это все вымышленное самим Печориным для «вящего эффекта»: в натуре этакие бесчувственные, бессовестные люди невозможны.

---

\* Софизм.

\*\* Софизм и ложь.

\*\*\* Софизм и вздор.

\*\*\*\* Софизм и вздор высшего порядка.

\*\*\*\*\* смешного (*фр.*). — *Сост.*

Ванька Каин<sup>8</sup>, и тот, бывало, зарежет человека и мучится совестью, а у этих господ и госпож совести будто вовсе не бывало. Много есть эгоистов, негодяев, которые перед людьми кажутся, будто для них ничего нет святого, — но в душе, в своем журнале они совсем другое чувствуют и пишут. А тут герой точно доска: к доске прибита мыслительная машинка; машинка вертится по ветру, а внутри ничего не отдается — ни разум, ни чувство, ни совесть. Это психологически невозможно.

Не стану повторять того, что сказано о легком чтении вообще<sup>9</sup>, — теорическая его нелепость еще виднее на практике. Коль скоро литература должна быть *служба Богу в лице человечества*<sup>10</sup>, то, спрашиваю, какую услугу принесет человечеству портрет такого героя? — Разве ту, что после него число героев гораздо порасплодится, а уж никак не убавится, потому что книга читается, герой — мил, умен, остер, в самых неистовствах своих он кажется только жертвою судьбы. Все свои поступки, т. е. проступки, он с такою наивностью выбеливает, по-видимому черня. Я не хлопочу уже о том, что в этом легком чтении нет ни религиозности, ни народности — до них ли тут. Но тут нет и философии, т. е. здравого смысла, — все подбор софизмов. Возьмите общие места здравого смысла, выверните их наизнанку — и получите самые новые, самые острые софизмы, которые в жару чтения ударят вас своею спиртуозностью и покажутся за что-то.

Многое на свете *умно*, да не *разумно*: снаружи — ангел света, а внутри — черт. И черт умен, да не разумен, и оттого-то он — ложь<sup>11</sup>. Наши силы *душевные*: ум, чувственность и пожелание — очень непрочны без поддержки сил духовных: разума, чувства и воли. *Ум* одинаково логически и математически способен мыслить ложь и истину, смотря по тому основанию, исходной точке, какие даст ему разум. И когда разум помрачен, ум мелет вздор. *Эстетическое чувство*, элемент чувственности — самое своекорыстное чувство: оно во всем ищет только себя, своих наслаждений; оно одинаково услаждается и картиной зла, и картиной добра. Но при свете духовного чувства эстетическому вкусу несносны картины зла, уродства, неистовства. *Пожелание* равно стремится и к добру, и к злу, было бы только желательно; но под управлением обузданной воли духа, оно избирает только доброе и уклоняется от зла: и в случае нарушения этого порядка — душа страдает.

Итак, в ком силы духовные заглушены, тому герой наших времен покажется прелестью, несмотря, что он — эстетическая и психологическая нелепость. В ком силы духовные хоть мало-

мальски живы, для тех эта книга — отвратительно несносна. Как не жаль хорошее дарование посвящать таким гадким нелепостям из одной только уверенности, что они будут иметь успех! Дело давно известное, чем всего скорее угодишь слабым людям! — Но дело ли художника пользоваться этою слабостью людей, тогда как художник и призван именно врачевать эту слабость, а не развивать ее? Вот где истинные трудности, истинное искусство! Все этому противное просто фокус-покусничество, достойное всего презрения благонамеренной критики. И признаюсь, ни за что бы я не упомянул о герое, если бы он не понадобился как образец легкого чтения для наглядного пояснения нелепости романтических теорий легкой словесности.

Тот класс людей, для которых убийственна, невыносима компания с самим собой, которые ищут многолюдства, говорят, слушают, что бы то ни было, только бы говорить и слушать других, а не самих себя, не внутренние укоры чувства и совести, — для таких, когда нужда прикует их дома, герой нашего времени — находка: не выходя из дому, они чувствуют себя в кругу знакомцев, заглушают чувство своего одиночества — и пресчастливы, и книга — чудо! Все таковые, разумеется, не согласятся со мной — да я и не гонюсь за этим. Слава Богу, и без них не клином свет сошелся для добрых благоразумных людей; хотя ни одна душа такая не встретилась нашему герою — новая несообразность с натурой.

Еще раз спрашиваю: нужно ли, чтобы повесть, вызвавшись рисовать нам человека с натуры, рисовала игру и борьбу его духовной стороны с душевною? — В герое этого нет: вы видите только душевную его сторону, и то с одной внешней оболочки, да и та не верную, не зрелую, но хорошо одетую; да и та во всем успеваает, везде торжествует; все высокое, милое, благородное, усладительное — ниц перед ней; это душевное молодечество, т. е. современный мнимый героизм, так и топчет все духовное. Злые люди могут затоптать добрых — это в порядке вещей, но злые чувства никогда не одолевают чувств духовных. Пока человек живет, они каждую минуту пробиваются и воплями своими не дают ему покоя, особливо в минуты одиночества. А чтоб вы меня еще яснее поняли и убедились, что я не придираюсь, то я хочу показать, как удачно соблюдены условия истинного романа в «Мещанине»<sup>12</sup>. Вкус наш много зависит от образа мыслей о вещах. <...>

